

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Эффективный способ изъятия прибавочного продукта является одним из важнейших признаков государственности. В исторической науке только в последние десятилетия данный тезис стал общепризнанным. Между тем на протяжении более чем двухвекового развития историографии проблемы становления древнерусской/российской государственности должного внимания проблематике налогово-даннических отношений не уделялось. К настоящему времени изданы только единичные монографии по тематике, затрагивающей различные аспекты налоговой системы Древней Руси.

Проблемы развития налогово-даннических отношений у восточных славян в той или иной степени вынуждены были касаться все исследователи, занимавшиеся рассмотрением проблем генезиса и эволюции Древнерусского государства. В российской исторической науке XVIII в. уже была отмечена многозначность термина «дань», присутствующего в раннесредневековых письменных памятниках (В. Н. Татищев). Тем не менее ряд исследователей XVIII (М. М. Щербатов, М. В. Ломоносов) и начала XIX в. (И. П. Елагин, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин) не пришли к четкому пониманию дифференцированности по месту и времени летописного термина «дань» [20, с. 149—151]. Довольно упрощенно понимал налогово-данническую систему раннесредневекового Древнерусского государства Н. М. Карамзин. По мнению историка, ходить за данью — значит «объезжать Россию и собирать налоги» [6, с. 117]. В трудах дореволюционных историков складывается двоякое понимание содержания даннических отношений. Так, большое влияние имело мнение И. Ф. Г. Эверса, считавшего дань явлением внешнеполитического характера: «Только одни побежденные народы платят дань, взимаемая с них дань или подать есть цена, которою они откупаются от рабства» [цит. по: 20, с. 152]. Это понимание дани нашло отражение в первом труде, непосредственно посвященном развитию налогово-даннических

Цемушаў Сцяпан Мікалаевіч — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

отношений в Древней Руси (В. Кури «О прямых налогах в Древней Руси», работа опубликована в Казани в 1855 г.). Завоевание считали важнейшим основанием происхождения дани (часто понимаемой, как прямой налог) такие виднейшие дореволюционные историки, как Б. Н. Чичерин, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский и др. Иное понимание происхождения данничества представлено в трудах М. П. Погодина, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. Ф. Платонова и др. По мнению ученых данного направления, дань — это «домашнее» учреждение, вызванное потребностью приносить мзду за охрану общества от неприятеля и осуществление суда князя [12, с. 80]. Ряд исследователей Древней Руси справедливо отмечали эволюцию содержания понятия «дань». Так, С. М. Соловьев считал, что «дань, за которой ходил сам князь, была первоначальным видом подчиненности племени одной общей власти, связи с другими соподчиненными племенами», а затем превратилась во внутренний доход с подвластного князю населения [16, с. 225]. Исследователь начала XX в. М. А. Дьяконов утверждал, что налоги в Древнерусском государстве возникли в виде «дани, уплачиваемой победителю побежденными». Но со временем у князей налаживались тесные и мирные отношения с покоренными племенами, и «дань в виде урока и оброка становится постоянною прямою податью» [5, с. 144, 145].

Таким образом, в дореволюционной историографии вопрос о происхождении налогово-даннической системы в Древней Руси решался в пользу внешнего завоевания, дававшего право победителю накладывать даннические обязательства на покоренное население.

В советской историографии в оценке проблемы становления налогово-даннических отношений в восточнославянском обществе в период складывания государственности акцент был сделан на развитии феодальных отношений. Уже в первом исследовании С. В. Юшкова, непосредственно касавшемся интересующей нас проблемы, дань связывалась с феодальной рентой. Согласно ученому, трансформация дани в феодальную ренту произошла в результате захвата земель племен, обложенных данью, и превращения этих земель в феодальные владения князей и их слуг в результате раздачи князьям земель данников боярам и церковным организациям [24, с. 87]. Важное значение в этом процессе С. В. Юшков отводил реформам 40-х гг. X в. княгини Ольги [25, с. 135—137]. Это мнение стало общим местом в последующих исследованиях. Так, В. В. Мавродин отмечал, что до середины X в. дань взималась в произвольных размерах и ее мерилom были лишь жадность и сила князей. После же реформ Ольги дань перерастает в феодальную ренту, и осо-

бенно быстро этот процесс протекал на княжеских землях. Если ранее в процессе полюдья собиралась дань с Руси внешней, подвластной Киеву, то теперь объектом эксплуатации становилась своя «Русская земля» [9, с. 155]. Согласно А. Н. Насонову, дань являлась «разновидностью феодальной эксплуатации, осуществляемой не отдельными феодалами, а государственным аппаратом» [11, с. 19—20]. Радикально решили проблему отсутствия в источниках свидетельств раннего существования феодальных отношений в Древней Руси украинские историки В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский. Ученые категорически отвергали мнение о возникновении дани из завоевания, по их мнению, «она могла означать только повинность земледельческого населения феодалу за пользование земель, которая юридически была его собственностью» [3, с. 64]. В стремлении «подтянуть» древнерусскую действительность под свою теорию украинские историки проявили немалую смелость — скорректировали жесткие рамки марксистской концепции. На Руси, по мнению данных исследователей, феодализм начался не с господства отработочной ренты, а с торжества натуральной ренты продуктами [4, с. 100]. Киевская Русь, таким образом, выводилась в лидеры европейского прогресса.

Основной тезис В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского о древнерусском князе как верховном собственнике земли оказался чрезвычайно плодотворным в позднейшей историографии. При отсутствии сведений о наличии в Киевской Руси вотчины-сеньории единственной возможностью подтвердить существование феодализма в IX—X вв. являлось признание существования государственной собственности на землю. Этапной в анализе проблемы развития налоговой системы в Древней Руси стала работа Л. В. Черепнина «Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.». Уже для периода восточнославянской истории с конца IX в. дань в работе ученого фигурирует в качестве феодальной ренты, при этом верховным собственником земли объявлялся князь, т. е. государство [22, с. 151—155]. Согласно Л. В. Черепнину, возложение дани на «примученное» племя есть в то же время установление верховной собственности победителя (киевского князя) на землю побежденных, а установление верховной собственности государства в лице князя означает приобретение данью феодального характера. По мнению Л. В. Черепнина, дань — самая ранняя форма эксплуатации восточнославянских общинников киевскими князьями. Постепенно дань эволюционировала в феодальную ренту. Важным этапом на данном пути являлись реформы княгини Ольги, заключавшиеся в нормирова-

нии повинностей, получавших регулярный характер, и устройстве погостов как постоянных центров сбора дани. Дань как феодальную ренту Л. В. Черепнин обнаруживает на протяжении X—XII вв. [22, с. 155]. Идеи советского исследователя легли в основу теории государственного феодализма в Древней Руси как первоначальной формы феодальных отношений в восточнославянском регионе. Эта теория поддерживается и современными историками, ведущим представителем которых является М. Б. Свердлов. О. М. Рапов выделил признаки, которые позволяют считать дань X в. земельной рентой: «1) верховный земельный собственник — Киевское государство (фактически — киевский князь); 2) регулярность взимания дани, установленная “уставами” и “уроками”; 3) наличие определенных фиксированных площадей, с которых происходило взимание; 4) сбор ренты производился с помощью внеэкономического принуждения, которое выражалось в изъятии дани вооруженными отрядами княжеских дружинников» [14, с. 57—58].

Для современного российского исследователя М. Б. Свердлова дань является элементом государственной налоговой эксплуатации, имеющим рентный характер. «Дань, которая первоначально взималась при подчинении почти всех восточнославянских и неславянских племен, — по мнению исследователя, — стала названием регулярно взимаемого налога» [15, с. 56—57]. А. А. Горский выводил государственные налоги из добровольных приношений и даней-контрибуций. В налог же они превращались, когда становились регулярными, бессрочными, нормированными и связанными с основным средством производства — землей [1, с. 22].

Но и в рамках советской исторической науки встречались исследователи, отрицающие феодальную природу даней IX—XI вв. А. Л. Шапиро утверждал, что в обозначенный период эксплуатация населения Киевской Руси князьями и дружинниками осуществлялась в форме даней-контрибуций, в форме полюдья и других кормлений, в форме вир и других судебных пошлин. В XI в. дань начала трансформироваться в продуктовую ренту, поскольку развивалось феодальное землевладение. Источники позволяют проследить этот процесс только с XII в. [23, с. 69]. В своей более поздней работе к этому мнению присоединился и В. В. Мавродин: «Дань — не феодальная рента. Платящие дань общинники еще не являются феодально-зависимыми людьми. Они платят дань и принимают участие в военных мероприятиях своих князей. И только. При этом дань — результат военных столкновений, «примучивания» или, наоборот, стремления избежать вооруженной борьбы» [10, с. 66—67].

В современной историографии значительное внимание проблемам развития данничества уделил петербургский исследователь И. Я. Фроянов. По его мнению, данническо-налоговая система Древнерусского государства складывалась из добровольных приношений в форме полюдьи и дани-контрибуции. Полюдьи — это «своего рода плата людей князьям (вождям) за исполнение ими общественно-полезных функций, ставшая в условиях Руси XI—XII вв. подобием налогу». В то же время дань являлась «самой заурядной формой грабежа, которому подвергались побежденные победителями» [20, с. 188; 21, с. 459, 464]. И. Я. Фроянов отмечает и возможность перехода дани в ренту: это происходило среди определенной категории древнерусского населения (смерды), которое попадало под власть отдельных лиц или корпораций, «становилось крепостным» [20, с. 189—190]. В целом дань — это специфическая форма эксплуатации, характерная для поздней стадии родоплеменного строя и древних обществ с незаконченным классовобразованием. В своей монографии «Рабство и данничество» (СПб., 1996) И. Я. Фроянов широко использовал данные антропологии. Современная политическая антропология (само направление оформилось в 60-х гг. XX в.) внесла значительный вклад в изучение проблемы развития налоговых отношений. Видный российский исследователь первобытного общества А. И. Першиц, проанализировавший материал ряда обществ, стоящих на переходной от первобытности к государственности стадии развития, определил данничество как одну из форм эксплуатации, «состоящую в регулярном отчуждении продукта победителями у побежденных, но в основном не утративших прежней экономической и социально-потестарной структуры коллективов» [цит. по: 21, с. 271]. При этом данничество не относится ни к одной общественно-экономической формации, хотя может сохраняться как «второстепенная межформационная форма, более упорядоченная и развитая, чем близкие к ней по своей сущности грабеж и контрибуция, но далеко уступающая в экономической эффективности тем формам эксплуатации, которые являются в то же время и способами производства» [21, с. 272].

В то же время представляется, что И. Я. Фроянов излишнее значение придает сакральной, религиозной сущности наиболее яркой форме изъятия прибавочного продукта в раннем Древнерусском государстве — полюдьи. Глубинную суть полюдьи необходимо искать не в религиозном, ритуально-магическом его значении, когда «священный царь, обходя свои владения, уже своим присутствием, а также жертвоприношениями, различными магическими действиями и молитвами

богам <...> сообщал плодородие земле, скоту и людям, вносил гармонию в общественное мироздание» [8, с. 140—141], а в том двойном значении, которое вкладывал в понятие дара тогдашний человек. Ведущий советский медиевист А. Я. Гуревич рассмотрел восприятие дара в скандинавском раннефеодальном обществе, при этом он опирался на выводы, сделанные французским этнологом М. Моссом в его «Очерке о даре». Основное значение для наших рассуждений имеет то обстоятельство, что в представлении человека родоплеменного общества «на дар ждут ответа». Дар ценен не сам по себе, а благодаря тем отношениям, в которые вступает даритель и одариваемый. «Надобно в дружбе верным быть другу, одарять за подарки», — читаем в «Старшей Эдде» [17, с. 28]. Даривший, безусловно, ждал возмещения дара, более того, «в случае, если дарение не сопровождалось компенсацией, получивший его оказывался во власти давшего» [2, с. 234]. Как и жертвы богам, дар кому бы то ни было (в том числе и вождю) требовал соответствующей отдачи по принципу «do ut des», при этом компенсация предполагалась более существенной. Наблюдения А. Я. Гуревича, без сомнения, можно распространить на все варварские общества Европы [2, с. 231—232]. Не исключение и славяне.

На примере складывания налоговой системы в различных обществах мира показал универсальность такой формы изъятия прибавочного продукта, как полюдые, Ю. М. Кобищанов [8; 13]. Современный российский ученый Б. Н. Флоря обнаружил альтернативные возможности обеспечения правящего слоя раннесредневековых славянских государств (так называемая «служебная организация») [18; 19].

По мнению историка, «служебная организация», характерная и для западнославянского региона, имела целью не только удовлетворение потребностей правителя, его семьи и ближайшего окружения, но и потребностей военно-административного аппарата государства в целом. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что высшие, центральные и частично местные органы власти формировались из состава дружины, которая в полном составе, включая ее рядовых членов, нуждалась в полноценном, соответствующем престижному статусу, обеспечении. «В условиях, когда господствующий класс нуждался во множестве постоянных услуг и разнообразных изделиях, а отдельные его члены, не обладая земельной собственностью, не могли получить все это за счет своего хозяйства, “служебная организация” становилась необходимой для исправного функционирования такого общественного устройства» [18, с. 59—60].

На современном этапе исследователи пришли к выводу, что налогово-даннические отношения являются одним из ключевых факторов в развитии раннегосударственных обществ. Крепнущая верховная власть для поддержания своих основных институтов вынуждена была пользоваться уже существовавшими формами изъятия прибавочного продукта (грабеж, контрибуция, дань), которые, частично сохранившись и позднее, постепенно трансформировались в более совершенные формы, в том числе в феодальную ренту продуктами. Сравнительно-исторический метод позволяет обнаружить в восточнославянском регионе как общие для всех раннегосударственных обществ методы и формы изъятия (редистрибуции) прибавочного продукта, так и специфические, обусловившие особый путь развития здесь феодальных отношений. Несмотря на определенный интерес исследователей к заявленной проблеме, современный уровень развития исторической науки требует пересмотра некоторых устоявшихся положений. Необходимо подходить к вопросу о развитии данничества более дифференцированно, учитывать эволюцию понятия «дань», его многозначность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский, А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси / А. А. Горский // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 3—15.
2. Гуревич, А. Я. Избранные труды / А. Я. Гуревич. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 1: Древние германцы. Викинги. 360 с.
3. Довженок, В. И. О времени сложения феодализма в Древней Руси / В. И. Довженок, М. Ю. Брайчевский // Вопросы истории. 1950. № 8. С. 62—68.
4. Довженок, В. И. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси / В. И. Довженок // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М.: Наука, 1972. С. 98—112.
5. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М. Дьяконов. СПб.: Наука, 2005. 383 с.
6. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1989. Т. I. 640 с.
7. Кобищанов, Ю. М. Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству / Ю. М. Кобищанов // От доклассовых обществ к раннеклассовым / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 135—158.
8. Кобищанов, Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций / Ю. М. Кобищанов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 320 с.
9. Мавродин, В. В. Образование Древнерусского государства / В. В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. 432 с.
10. Мавродин, В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности / В. В. Мавродин. М.: Высш. шк., 1971. 192 с.

11. *Насонов, А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства / А. Н. Насонов. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 262 с.
12. *Погодин, М. П.* Древняя русская история до монгольского ига : в 3 т. / М. П. Погодин. М. : В Синодальной типографии, 1871. Т. 1. 402 с.
13. Полюдь: всемирно-историческое явление / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М. : РОССПЭН, 2009. 791 с.
14. *Рапов, О. М.* К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период / О. М. Рапов. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История. 1968. № 1. С. 57—61.
15. *Свердлов, М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. Л. : Наука, 1983. 238 с.
16. *Соловьев, С. М.* Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьев. М. : Голос, 1993. Кн. I. Т. 1—2: История России с древнейших времен. 752 с.
17. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л. : Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-е, 1963. 259 с.
18. *Флоря, Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян / Б. Н. Флоря // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56—74.
19. *Флоря, Б. Н.* «Служебная организация» у восточных славян / Б. Н. Флоря // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. : Наука, 1987. С. 142—151.
20. *Фроянов, И. Я.* Начала русской истории. Избранное / И. Я. Фроянов. М. : Изд. Дом «Парад», 2001. 975 с.
21. *Фроянов, И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 512 с.
22. *Черепнин, Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. / Л. В. Черепнин // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. : Наука, 1972. С. 126—251.
23. *Шапиро, Л. В.* О природе феодальной собственности на землю / Л. В. Шапиро // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 61—69.
24. *Юшков, С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 256 с.
25. *Юшков, С. В.* Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI веках / С. В. Юшков // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 135—138.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Автор статьи пытается наметить общие тенденции в осмыслении проблемы развития налоговой системы в Древней Руси в российской историографии. Важнейшие мнения исследователей о происхождении и сущности системы Древней Руси сводятся к признанию значительной роли завоевания и трансформации дара. В советской историографии господствовало убеждение о тождестве дани и феодальной ренты.

The author of this article tries to plan the general tendencies in judgement of a problem of development the tax system in the Old Russia in Russian historiography. The major opinions of researchers about the origin and essence of system of the Old Russia are reduced to a recognition of considerable role of a gain and gift transformation. In the Soviet historiography the belief about identity of a tribute and a feudal rent dominated.